

Из отзывов читателей портала livelib.ru

Население России в настоящее время составляет чуть больше 143 млн человек, согласно статистике (которая, как известно, замыкает веселое трио Ложь/Наглая ложь/Статистика). Количество абортотворцев заметно превышает уровень рождаемости, а число детей-сирот сейчас больше, чем после Великой Отечественной войны. Причем, в основном, это социальное сиротство — родители вроде бы и имеются в наличии, но... лучшие бы... «Сирот по российским просторам хоть вагонами грузи». — говорит цинично, но правдиво одна из (анти)героинь книги. Грузи и «по разумной цене»...

Таковы факты, которые мы часто стали множить на равнодушие. Мне иногда кажется, что десятилетия тоталитаризма, бесправия и страха что-то сломали внутри целого народа, исподволь, а когда колосс империи рухнул, он словно бы поставил точку (не в смысле «конец», а скорее «исправленному верить») в новой модификации человека на 1/6 суши.

Мы стали равнодушнее. И ассортимент того, что можно продать, заметно расширился, и число возможных продавцов возросло... At the right price — недра, леса, информация по передвижению военных колонн в воюющей Чечне, дети: мы же огромная, великая страна, и всего у нас — хоть вагонами грузи. И, держа в руках разноцветные иностранные бумажки, так легко убедить себя, что все это — во благо, так будет лучше всем...

Telans

Есть ли у вас дети? Задумывались ли вы когда-нибудь, как могла бы сложиться их судьба, если, не дай Бог, что-то произойдет с их близкими? От этой мысли мне всегда становилось очень страшно.

А теперь не могу избавиться и от этих вопросов: «А чем те — другие — дети виноваты? Только тем, что они, видимо, родились в неправильном месте и в неправильный момент?» У меня нет ответов... Может быть, они есть у вас?

SleepyIra

Книга просто шокирует. Не столкнувшись с этой проблемой, даже и не подумаешь, какие ужасные испытания могут

выпасть на долю брошенных детей.

LanaK

Надежда Беленькая

Рыбы молчат по-испански

Серия «Самое время!»

Это роман о прибыльном, опасном и противозаконном российском бизнесе — международной торговле детьми. Обычно авторы столь опасных произведений пытаются защитить себя от возможных претензий. Надежда Беленькая поступила демонстративно наоборот. Вот первая строчка ее книги: «Эти события происходили на самом деле». Она все видела, сама во всем принимала участие, сама все пережила и сама поняла, что так продолжаться не должно. Но она отчетливо поняла и другое: отчего детдомовские дети, нашедшие счастье в приемной семье за границей, при звуках русской речи в ужасе прячутся под стол. Так продолжаться тоже не должно.

*С любовью и благодарностью Ляле Костюкович за идею,
Юлии Добровольской за поддержку и понимание,
Борису Пастернаку за издание,
Галине Хондкариан за участие,
Любе Сумм за дружбу;
мужу, маме, детям — за терпение.*

*Эти события происходили
на самом деле.*

* * *

Когда на ранней заре Ксенин джип выехал из Москвы, его окружила такая непроглядная ночь, что Нина испугалась: как будто нырнули в подземный тоннель.

От темноты зрачки ломило, как зубы от кислоты.

И никакой надежды на свет в конце тоннеля — ни проблеска, ни полоски в небе, обещающей утро.

Только фары джипа освещают дорогу.

«Дэвид Линч, “Шоссе в никуда”», — вспомнила Нина.

Испанцы на заднем сиденье притихли, но Нина чувствовала, что они не спят.

Может, тоже думают про Линча.

Или про свет в конце тоннеля.

Роса протянула руку и осторожно коснулась Нининого плеча.

— Пожалуйста, — попросила она, — уточни у Ксении, сколько километров до Рогожина...

Нина вздрогнула — голос прозвучал неожиданно громко.

Перевела вопрос.

— Двести, — сухо ответила Ксения, не отрывая глаз от светового пятна впереди, похожего на желтую бабочку.

«Нельзя ее отвлекать, — подумала Нина. — Такая опасная дорога...»

— Прошлой зимой, — неожиданно заговорила Ксения, словно услышав ее мысли, — возвращаюсь вечером в Москву. С испанцами... Смотрю — впереди фура. Черная, страшная... Габаритные огни забыли включить, сволочи... Чуть не вписалась...

— Ужас... — сочувственно бормочет Нина. Она не знает точно, что такое «габаритные огни», но живо представляет черную громаду, о которую вот-вот разобьется маленький серебристый джип.

Светает — как будто в кювете с раствором медленно проявляется черно-белая фотография. Смутные очертания за окошком становятся более контрастными. Мрак отделяется от света, небо от земли. Зрачки уже не ломит от клубящихся пятен, и бабочка не скачет впереди так желто и ослепительно. Вот пробежала сосна. Стайка юных берез чуть не выскочила на дорогу — посмотреть, кто тут едет с московскими

номерами? Мелькнул темный дом — так неожиданно, что Нина вздрогнула и обернулась, провожая его глазами.

Вдоль трассы с обеих сторон тянутся заснеженные поля.

— А ты вообще откуда? — спрашивает Ксения.

Она взбодрилась — видимо, напряжение ночной дороги слабело.

— В университете преподаю. На филфаке. Учусь в аспирантуре, — отвечает Нина, с трудом отрывая взгляд от плывущего за окошком пейзажа.

— А как меня нашла?

— Позвонила знакомая. Сказала, что ищете переводчика на два дня. Она сама собиралась поехать, но не получилось.

— Как зовут знакомую?

— Юля.

— Не помню такую...

— Может, ее тоже кто-то попросил.

— А как же университет?

— В смысле? Ах да — сейчас каникулы.

— Каникулы... Совсем про них забыла... Что-нибудь еще Юля твоя говорила?

— Ничего. Сказала только, что они ребенка усыновляют и нужен переводчик... А вы давно с испанцами работаете?

— Давай-ка лучше на ты. Работаю восемь лет. Сперва были американцы, теперь вот испанцы. Четыре переводчицы сменила... Ты им, кстати, скажи, что в департаменте нас сегодня принять не смогут. Перенесли на завтра.

Нина перевела. За спиной послышалось беспокойное оживление.

— Они спрашивают, разрешат ли им сегодня увидеть дочку.

— Нет, конечно. Без направления не пустят. Переночуем в гостинице, а с утра сперва в департамент, потом в дом ребенка...

Пустынная трасса оживала. Впереди, грохоча и рассыпая снежную пыль, неслись грузовики. Давя на газ, Ксения обгоняла сонные легковухи — в основном «жигули», «нивы», одну разлапистую «волгу», такую грязную, что определить цвет было невозможно. Постройки вдоль дороги становились более основательными, деревянные избы сменились каменными домами. Неожиданно из-за угла вывернули рельсы, по ним навстречу проехал трамвай. Потянулась чугунная изгородь, за которой белел заснеженный парк с черными бутонами озябших ворон.

Мутные сумерки. Люди спешат на работу.

Таким Нина впервые увидела Рогожин.

* * *

Скажи, по каким местам пролегают твои маршруты — и я скажу, кто ты.

Что если, соединив все эти точки на карте, мы узнаем про себя что-нибудь особенное — увидим силуэт судьбы, тайный знак, которым каждый отмечен? У одного получится пентаграмма, у другого — треугольник, у третьего — квадрат, по равным сторонам которого человек носится всю жизнь как белка в колесе. Но скорее всего это будет цветок, чья сердцевина — какая-нибудь захудалая станция метро, где у человека дом, а лепестки — районы, куда он наведывается по работе или по какой-то другой надобности.

У одних — колокольчик, у других — ромашка, у третьих — гвоздика или чертополох.

Силуэт Нининой судьбы представлял собой трапецию, расположенную между четырьмя точками на карте Москвы. Конечно, время от времени появлялись новые маршруты, но это случалось нечасто, и поэтому на ее личной карте они были бы обозначены бледным пунктиром.

Ехать рано утром куда-то за двести километров по заснеженной трассе — ничего похожего в ее жизни еще не было, и Нина с любопытством рассматривала незнакомые места. Пригород остался позади, они оказались в центре. Пересекли мост, под которым белела замерзшая речка. Проехали по главной улице — разумеется, это была улица Ленина, которую в большинстве русских городов не успели, да и не собирались переименовать, — затем свернули в один из переулков, сделали круг и снова выехали к реке. Спешить было некуда, и, катаясь по городу, Ксения размышляла, как провести день.

— В общем, — сказала она, притормозив возле заведения с надписью «Пиццерия», — для начала позавтракайте. Гостиница бронирована, но не сидеть же в номере целый день. Тяни время, его у нас полно. Будут спрашивать — говори честно, что ничего не знаешь. Ладно, давайте.

Она махнула испанцам рукой и захлопнула дверцу.

Джип заурчал и, переваливаясь на темных волнах слежавшегося снега, покати к шоссе.

* * *

Когда отдыхаешь после трехчасовой зимней дороги — на улице пасмурно, снег забился в протекторы и тает, круглая

лужа расплывается возле ботинок, на столе кусок пиццы и кофе, а напротив квадратное во всю стену, от пола до потолка, окно — холодная с капельками воды стекляшка, — кажется, что мир — это то, что внутри: провинциальная кафешка со столиками. Обычная недорогая забегаловка, где народу полно, и все тихо гудят, как примороженные пчелы. В такой пиццерии каждому найдется место — представителям мелкого и среднего бизнеса, дворникам, уличным торговцам, студентам, менеджерам сетевого маркетинга, краснолицым деревенским здоровякам с большущими руками, тетке с комнатной собачкой, которая то и дело высовывает старушечью головку из сумки, и тогда тетка утрамбовывает ее обратно, нажимая сверху ладонью, как дрожжевое тесто в кастрюле.

На носу у дамы с собачкой — солнцезащитные очки, хотя солнца нет и в помине.

Пиццерия в центре Рогожина — это и есть весь мир.

Универсум. Ойкумена. Орбис-террарум. Эль-мундо.

В первую очередь, конечно, эль-мундо — с Ниной и испанцами, сидящими напротив.

А квадратное окно во всю стену — это как бы не мир, а нечто за его пределами. Аквариум для привлечения посетителей. Вместо воды — новенький снег. Вместо водорослей — деревья, белые, как будто их окунули в сметану. Вместо рыб — пешеходы и машины.

Нина осторожно разглядывает деревенских. Приехали в Рогожин по каким-то своим делам. Все-таки — крупный город, столица региона. Перед ними рюмки, наполненные чем-то прозрачным, а если внимательно приглядеться — отражение в каждой рюмке в точности повторяет пиццерию, Нину, испанцев, окно.

Все здесь какое-то странное, немного ненастоящее. Даже испанцы кажутся Нине особенными. Как бы не очень-то испанцами. Не вполне. Во всяком случае, они отличаются от тех, к которым Нина привыкла, пока жила в Барселоне. Конечно, Страна Басков — это тебе не Каталония. Роса почему-то отправилась в Рогожин в юбке, а не в джинсах, как путешествуют все нормальные путешественницы, и с накрашенным ртом — обычно европейки почти не красятся, тем более в дорогу, подрисуют изредка губы розовым, и все. А у этой две такие вишневые лодочки с темными бортиками. И зубы за ними мелькают. Белые. Бла-бла-бла — рассказывает Нине про свою испанскую жизнь.

Дует на остывающий кофе.

Белая сливочная пенка убегает от сложенного трубочкой рта на противоположный конец чашки, обнажая поверхность, черную, как зимнее море.

Еще чуть-чуть и выпрыгнет на блюде.

Из-под чашки выползает пятно, расплзается по салфетке.

В стеклянном аквариуме напротив — сумерки.

— Работаем в школе, — Роса откусывает пиццу и запивает кофе. — Я преподаю математику, а Хосе — химию. В основном дети иммигрантов. Арабы, марокканцы, но есть и литовцы, украинцы. Родителям кажется, что в Стране Басков устроиться легче, чем в Барселоне. Ясное дело, большинству не до математики.

Нина разглядывает Росу — красивые глаза, рот. Даже нос красивый. Нос в человеческом лице самая странная деталь, думает Нина: он незротичен — да чего там, просто комичен, смешон. Зато стоит сосредоточиться и представить, что тебя окружают одни носы — и сразу становится весело! Важные птицы — задирают голову, кивают клювами. Но у испанки нос горделивый, тонкий, как породистый арабский скакун. Когда она говорит, кончик двигается вверх-вниз, и это завораживает, как будто перед Ниной отдельное разумное существо, а не просто чей-то там нос.

Супруг у Росы тоже тот еще фрукт — какой-то слишком внимательный и неулыбчивый для иностранца. Серый джемпер в ромбик и клетчатая рубашка. Молчит, буравит Нину глазами. Конечно, он еще ни разу не разглядывал русскую женщину вблизи. Сотрудницы консульства и обслуживающий персонал отеля не в счет. Нина — первая.

— Живем не в самой Памплоне, — продолжает Роса. — В поселке рядом. Вот, смотри...

Роется в сумке — такая лаковая дамская сумочка из коззама, слишком кокетливая для европейской учительницы. Вытаскивает фотки, раскладывает перед Ниной.

— Наш пуэбло... Маленький городок, три тысячи обитателей. Ну да, по-вашему, наверно, деревня. А пятеро жителей уже погибли в терактах — одну я знала, торговка рыбой. Конечно, ужас. Передай мне еще кусочек пиццы, Хосе, кариньо... И что ты думаешь? — все поголовно поддерживают ЭТА! Мы с Хосе против — и представь, стыдимся об этом кому-нибудь сказать. А знаешь почему? Потому что ЭТА — национальный символ... Вот у каталонцев — Саграда-Фамилия, в Андалусии — фламенко. А Страна Басков? У нас — ЭТА. Нет, больше не надо — я по утрам мало ем...

— Правда, — Нина кивает.

Ей тоже при слове «ЭТА» вспоминается Страна Басков. И наоборот.

— У нас уже есть русский ребенок, — продолжает Роса. — Дочь, Эленита. Она из Новгорода. Очень переживает, что мы поехали в Россию без нее. Обещали взять с собой знакомиться с сестрой. А паспорт в марте истекает — с истекающим, говорят, нельзя. Первый раз слышу такую глупость! Ну ничего, — добавляет она. — Приедем в Россию летом на каникулы. Поживем в Рогожине, в Новгороде, будем гулять по старинным улицам, заходить в музеи, посещать рестораны русской кухни — пусть девочки попробуют «blini» и «borsh». Солнце — вот чего сейчас не хватает! Куплю себе платок с бахромой — «shal». Будем фотографировать монастыри, церкви с золотыми тыквами...

— С луковками, — машинально поправляет Нина.

— Что? — переспрашивает Роса.

Испанская «луковица» странно сочетается со словом «церковь».

— Золотые купола на церквях у нас называют луковками.

— А, — кивают испанцы.

— Послушайте, — внезапно говорит Нина. — Если вам понадобится переводчик или просто чтобы кто-то помог — звоните мне. Я оставлю свой телефон.

— Спасибо, — улыбаются испанцы.

— Я серьезно, — добавляет Нина. — Это не за деньги, понимаете? Бесплатно, как друг.

Друг — слово европейское. В России — знакомые, приятели, коллеги. По-испански все они — «amigos», друзья. Нина старается не употреблять лишний раз это непростое слово, но теперь ей нужно подчеркнуть, что она — своя, она сочувствует.

— Деньги за помощь не возьму, — поспешно добавляет она на всякий случай, чтобы они все поняли как надо.

Она не уверена, что Ксении по вкусу такие разговоры, и вообще — прошло слишком мало времени, чтобы сблизиться с незнакомцами и предлагать услуги. Но Нину так умилил рассказ про русских сирот и золотые купола, что она не удержалась.

— Спасибо, Нина, — испанцы тронуты.

Пицца съедена, кофе выпит. А впереди еще целый день.

Звонит телефон. В трубке Ксения — она уже здесь. Нина не заметила, как серебристый джип причалил к тротуару.

Оделись, вышли на улицу. И тут же все рассыпалось — аквариум опрокинулся на них настоящей сыростью, всамделишным холодом, уличным шумом...

* * *

Центральная гостиница, куда их вечером привезла Ксения, представляла собой неряшливое строение с фасадом на вокзал.

Покормив испанцев ужином в гостиничном буфете, Нина взяла на рецепции ключ и поднялась в небольшой, пропахший куревом номер. Узкая кровать, стол, телевизор. Трубы отсырели и покрылись потеками ржавчины, в унитазе журчала вода, как в комнатном фонтанчике из тех, что продаются в цветочных магазинах, а в бачке что-то хрипло свистело. Под окнами тускло светили фонари. Улица выглядела уютной. Она была похожа на театральную декорацию. Казалось, где-то жгут костры, и от этих невидимых костров разливается мягкое оранжевое сияние. Над деревянными домами отвесно поднимался печной дым, сливаясь с небом, и казалось, небо стоит на столбиках. Нина открыла форточку, в которую ворвался ночной воздух. До нее донеслись звуки окраины, звон капель, падающих с крыш, шелест снега. Откуда-то прилетел собачий лай — издалека он казался почти нежным. Нина легла на кровать, привалилась спиной к твердой, как кирпич, гостиничной подушке и прислушалась.

День был долгим, пустым. Но он кончался. Его последние часы медленно ползли сквозь гостиничный номер, как огромный прохладный слизень — такие появляются летом после дождя на городских тротуарах.

Что же особенного в нем было, откуда взялась в Нине смутная непроходящая тревога?

Только много времени спустя она поняла, что это был за день. Оглядываясь в прошлое, она видела его как маленький стеклянный шар с домиками и снегом — снег лежит неподвижно, укрывая игрушечный город худым муравьиным одеялом, но стоит взять шар в руки — и взбаламученные снежинки взлетают и кружатся! Внутри шара скрывалось все Нинино будущее. Тысячи километром дорог, туго смотанные колесиком серпантина. Миллионы непривычных слов, которые ей предстояло произнести. Люди и события томились в его стеклянном толще, как спящие рыбины, закованные в лед.

И где-то в самом сердце шара крошечным иероглифом темнела смерть...

В тот вечер Нина еще не могла знать, что подходящий к концу зимний день был точкой невозврата.

Ни о чем таком она не догадывалась — ни о стеклянном шаре, ни об иероглифе.

Просто мерзла и тревожилась, привалившись к твердой гостиничной подушке.

Чтобы отвлечься и заглушить беспокойство, надела очки, вытащила из рюкзака вещи. Кипятильник, чашка, печенье в шуршащем пакете. Полотенце, зубная щетка. А вот и глянецовый журнал, который днем дала почитать Ксения, — увесистая скользкая книжища разъезжалась в руках, когда Нина торопливо пыталась свернуть ее цилиндром, чтобы запихнуть в рюкзак. Обычно такие журналы она не читала даже от скуки. В кровати перед сном, в метро, в универе в перерывах между занятиями — на любой случай жизни у нее было заготовлено серьезное, нужное чтение. Большой рюкзак — большая полноценная книжка, маленькая сумочка — Нина наскоро прихватывала какую-нибудь монографию с кафедры. Но в Ксенином журнале она еще днем обнаружила статью про Сальвадора Дали, о которой вспомнила только сейчас.

На развороте — репродукции известных картин: «Сон, вызванный полетом пчелы вокруг граната за секунду до пробуждения», «Предчувствие гражданской войны». Все это Нина помнила наизусть. Пробежала глазами текст. «...Гала, — рассказывалось в статье, — произнесла незабываемую фразу: “Мой маленький мальчик, мы никогда не покинем друг друга”. В быту они оказались почти идеальной парой, как часто случается с совершенно разными людьми. Из парижанки, находившей удовольствие в развлечениях богемы, Гала превратилась в няньку, секретаря, менеджера гения-художника, а затем и в хозяйку огромной империи, имя которой — Дали. Гала транжирила деньги направо и налево и делала это очень весело...» И дальше в том же духе. Любое повествование о Дали казалось Нине поверхностным, едва ли не бульварным: его дневники были темой ее неоконченной диссертации, и она без подготовки могла рассказать больше, чем любой глянецовый автор. За несколько лет материалов накопилось так много, что тема расплывалась, казалась необъятной и к тому же все время норовила дать побег самостоятельных сюжетов. Нина уже с трудом понимала, какое отношение к ней лично имеет это громоздкое

сооружение, выстроенное по чужим правилам, и постепенно, втайне ото всех, начинала им тяготиться.

«Нормальные люди пишут диссертацию быстро, — внушала ей мать. — Застрянешь, и растянется на годы».

На годы... Возможно, это как раз Нинин случай — ей уже скоро тридцать.

Она вздохнула и перевернула страницу. Знакомые черно-белые фотографии. Растиражированный Дали-символ, Король Мустафа с вытаращенными глазами. А вот ранняя фотография — Кадакес, море, застенчивый юноша отдыхает в кресле на берегу. У юноши усталые руки и тонкий профиль. Ножки плетеного кресла слегка вдавлены в сырой песок, и море тянется, стараясь лизнуть ботинки. Еще один известный снимок: берег, обнаженный Дали обнимает Галу — мечтательное, немного отстраненное лицо, как будто он не догадывается, что их фотографируют. Видно, как под мышками растут волосы. Интересно, подумала Нина: все фотографии черно-белые! Как будто Дали так и остался в первой, черно-белой половине своей жизни вместе с поплывшими часами, облачными слонами, с муравьями, вылезавшими из хлеба. И еще — на берегах Ампурдана, в полоске скалистого берега, в дымке на горизонте. В небесной тверди — густо-синей, как масляная краска в ведерке. В темном облаке-бумеранге над морем.

Отложив журнал и закрыв глаза, Нина думала о диссертации, Дали, Ампурдане, а зимняя ночь, втекавшая в форточку, пахла камнями и солью Средиземноморья.

Снег кружился внутри стеклянного шара.

С вокзала донесся тоскливый вой электрички.

Нина спала.

* * *

Внезапно в номер постучали, кто-то осторожно повернул ручку.

Из-за двери показались Ксенины очки.

— Эй, не спишь? — зашептала Ксения. — Ничего, что я зашла? Ты дверь-то на ключ закрывай. Перепутает кто-нибудь спяну и уляжется тебе под бок. Или деньги стырят.

— Я не знала, что нужно на ключ... Давно в гостинице не жила.

Ксения сняла кроссовки, мягкие и неслышные, как волчьи лапы, и плюхнулась на Нинину кровать, прямо на одеяло. Как была с улицы — распустив на шее вязанный шарф и не снимая куртки.

За окнами гостиницы шел снег, и на ее очагах сверкали капли. Снег валил, как непрозрачный белый ливень. Если погасить лампу, сквозь задернутые шторы было видно, как косматые тени, проплывая по складкам, медленно слетают вниз.

— Блин, как же все достало, — бормочет Ксения, снимая очки и вытирая шарфом мокрые стекла.

— Что-то случилось?

Нина знала, что в восемь вечера Ксения отправилась на встречу с важными людьми. Важные люди говорили по-русски, и в переводчице она не нуждалась. На улицах было пусто, дремотно. Нина и испанцы остались в гостинице, а Ксения села в свой джип и умчалась во тьму. В самой глубине этой тьмы, в одном из рогожинских ресторанов ее ждали.

— Ничего не случилось. Просто у меня не было выбора, — в Ксенином голосе звучит отчаяние. — Я не могла не пойти. А там все пьяные, водка, жратва. Морды от жира блестят... А я ж на диете. Раздельное питание по Монтиньяку. После семи я вообще ничего не ем!

Постепенно до Нины доходит, что Ксения пьяна. От нее пахнет водкой и ресторанной едой. Запах застолья, смешавшись с гостиничным куревом, вытесняют синеватую прохладу, которая втекала с улицы через форточку.

— Хочешь чаю?

— Давай, если есть. До сих пор не согреюсь... Понимаешь, я жратву ихнюю не перевариваю — в прямом смысле слова. Даже запах. Ветчина, колбаса, рулет куриный... Тьфу! В салате ведро майонеза. И главное, шутки их пошлые, морды красные...

Нина поставила греться воду в стакане, окунув туда прихваченный из Москвы кипятильник, и удивленно посмотрела на Ксению.

— Чиновники, — пояснила Ксения. — Начальник департамента образования, оператор банка данных, социальный работник из дома ребенка. Тетки из роно... У начальника департамента сегодня день рождения, и он целый пир закатил. Заодно меня позвал. Большая, между прочим, честь. Такое общество! Чиновникам рогожинским бабки девать некуда, вот и транжирят на юбилеи... Фу, до сих пор колбасой воняет, — добавляет Ксения, брезгливо обнюхивая рукава.

— Зачем же все тратить на колбасу? Купили бы, скажем, машину хорошую, — машинально отвечает Нина, высыпая на тарелку раскрошившееся печенье.

— Не могут они машину купить... Рогожин — не Москва. Каждый чиновник на виду. Все друг про друга всё знают. Купит квартиру кто-нибудь или машину — а ему: откуда деньги, сволочь? Вот и проедают все, что заработали... Чтобы не светиться. А еще летом ездят в Турцию — и там отрываются: жрут, жрут... Видала, какие тарелки наш русский брат-курортник уносит с олинклюзива? Как в них столько влезает, ума не приложу...

— А ты бы отказалась, придумала бы что-нибудь, чтобы никто не обиделся. Нельзя, мол, жирного, алкоголь врач запретил. — Нина опустила в стакан пакетик чая и придвинула Ксении.

Ксения прижимает кончики пальцев к горячему стакану.

— Блин, классно... Чаек горяченький... Понимаешь, нельзя отказаться. И не придумаешь нечего. Я обязана всем здесь доказывать, что я — своя. Такая же, как они. На самом деле они прекрасно понимают, что это не так. Они бы и срать со мной в одном лесу не сели. Но деньги, понимаешь? Все дело в деньгах. Обоюдный, так сказать, интерес. Вот и расплачиваюсь: таскаюсь по ресторанам, помню всех по именам, водку пью. Знаю местные сплетни. Они не должны чувствовать, что я столичная штучка. Иначе — недоверие, и тогда все пропало.

— Что пропало?

— Детей давать перестанут! В Рогожине такие, как я, тучами клубятся. Вот они и выбирают тех, кто им нужен. Высматривают, принимают. С кем удобнее работать, с кем не очень. Слишком умная — до свидания. Слишком энергичная — тоже не особо жалуют. Меня терпят за то, что я так себе, серенькая мышка. Видишь, как я сюда езжу? Курточка, кроссовки. Костюмчик спортивный. Им так проще.

— А разве они могут не давать детей? Ты же агентство.

— Никакое я не агентство. Я — независимый посредник. Договариваюсь с чиновниками, сирот добываю... А потом мне подгоняют иностранцев, которые этих сирот усыновляют.

— И много желающих? — Нина заварила еще один чай, себе.

— Еще бы... Хоть отбавляй. Своих-то детей нету. Не знаю, в чем у них там дело. Может, развитые страны вырождаются, вот и едут к нам. У нас-то дома ребенка по швам трещат. Отказные младенцы месяцами в больницах валяются, чтобы туда попасть. Приезжай — и усыновляй.

— Это просто?

— Сейчас не особо. Раньше проще было: познакомились с ребенком и увозили его к себе в Испанию или Америку без всякого суда. А теперь по-другому: сперва знакомство, куча бумажек, потом суд... Детей выбирать не разрешают, какого предложат, такого и берешь. Скажу тебе по секрету, — добавляет Ксения, дую на чай, — у нас в России детишки нынче — главное сырье. Покруче нефти и недвижимости.

— Звучит цинично...

— Ну и что, — Ксения пожимает плечами. — Я правду говорю. А правда, она чаще всего такая и есть — циничная.

— А в чем правда?

— В том, что на наших младенцев спрос во всем мире... Раньше со мной другая девчонка ездила, — продолжает Ксения. — Переводчица. Серенькая, глупенькая. Такой воробышек. Сама из глубинки. А на прошлой неделе взяла и сбежала. Как ты думаешь, почему? Правильно: свой регион открыла. В тихом омуте черти водятся. Теперь вместо нее будешь ты. Во всяком случае, я очень надеюсь. С тобой хоть поговорить можно.

Нина удивляется. Говорит-то в основном Ксения, а она только слушает. Наверное, внимательный слушатель — это и есть лучший собеседник. К тому же она угадывает в Ксении что-то родное, как будто они уже давным-давно знакомы. Да еще этот кургузый берет, смешные очки. Капризное, детское лицо — Нина не поверила, узнав, что у Ксении уже двое взрослых сыновей...

И первое впечатление в тот миг, когда ранним утром в Москве Нина села в Ксенину машину, — что за рулем она сама, только на десять лет старше.

* * *

За ночь снег завалил весь город. Дороги, дворы, тротуары исчезли — все сделалось ровным и белым. Ксенин джип похож на кусок мыла в серебряной мыльнице. Кусты под окнами — на человечков в белом камуфляже.

Номер, куда накануне поселили испанцев, совсем не такой, как у Нины, — просторный, светлый, с широкой кроватью, где разместились бы четверо. Испанцы уже готовы. Вместе поднялись в буфет, выбрали столик у окна — рассматривать зиму. За окном пасмурно, как осенью.

— Такая погода, как сейчас, это не настоящая зима, — объясняет Нина. — Это особенное явление, называется оттепель. В испанском языке нет похожего слова.

— А настоящая? — спрашивает Хосе. — Сколько градусов?

— Минус пятнадцать или даже двадцать.

Хосе корчит испуганную гримасу. Разве способен человек выжить в таких экстремальных условиях? Хосе, например, нет. Оттепель ему подходит больше.

Принесли поднос с завтраком. Официантка торопливо переставляет на стол тарелки, йогурты, сок и кофе.

— Красиво, — мечтательно говорит Роса, прихлебывая остывший кофе и глядя в окно. Зимний день отражается в ее черном зрачке крошечным бельмом.

— Очень красиво, — вежливо соглашается Хосе. — У вас зимой всегда столько снега?

«У нас в России зима круглый год, — мрачно думает Нина, допивая кофе и вставая из-за стола. — Уснешь летом — проснешься зимой. Мы лету не верим. Оно короткое. Привыкнешь — раз, и нет его. Зима — дело иное. У нас все для зимы — центральное отопление, целый шкаф теплой одежды. Этого так просто не объяснишь».

После завтрака вышли на улицу, где их уже поджидал Ксенин джип.

— Холодно, — говорит Роса, опуская в сугроб замшевую туфельку.

Хосе поднимает воротник плаща и прикрывает лысину теплой ладонью.

Джип тронулся с места и полетел вдоль трамвайных путей мягко и легко, как зимние сани.

— Мы сейчас едем в мэрию. В департамент образования, — объясняет Ксения, притормаживая на светофоре. — Им все про ребенка расскажут и дадут направление на знакомство.

— Знаешь, мне показалось, что они про эту Риту свою и так все уже знают... — заметила Нина.

— Еще бы они не знали! У них и фотка есть. Но на приеме не вздумай ляпнуть, что им все известно. Надо делать вид, как будто слышат впервые. Информацию о ребенке они должны получать официально... Чтобы все по закону.

Паркуются возле центральной площади. Мэрия — здоровенное серое здание — плохо сочетается с обветшалыми домами, кремлем и огромным печальным собором в отдалении. Напротив входа памятник Ленину. Мокрый ветер со свистом несется им навстречу, забирается под одежду. Нина ускоряет шаг.

Ксения отворяет тугую стеклянную дверь, и они входят в вестибюль, который кажется продолжением площади. Никого

нет, стены пахнут сырым ракушечником. Поднимаются на четвертый этаж. Входят в кабинет — Нина не успела прочесть надпись на табличке. Испанцы улыбаются, по очереди жмут руку устремившейся им навстречу толстухе в малиновом, похожей на полководца Кутузова, вежливо интересуются, как у нее дела. К Нине чиновница обращается неожиданно резко:

— Паспорт ваш дайте.

— Вот, пожалуйста, — Нина протягивает паспорт.

— Что это? Не пойму ничего!

— Это заграничный паспорт. — Нина смутилась. Она предупреждала Ксению, что ошиблась и, выходя из дома, вместо гражданского паспорта прихватила заграничный. — Российский случайно остался дома. Простите.

Чиновница вся подобралась, как спаниель, учуявший утку, и смотрит на Нину враждебно, сузив глаза:

— Вы что, иностранная гражданка?

— Нет, я гражданка России.

— Тогда почему паспорт заграничный?

— Так это тоже российский паспорт. Обыкновенный. Подтверждает личность. Вот, смотрите: имя, фамилия, — оправдывается Нина, но тут же смолкает, испугавшись, что сказала слишком много. Так нельзя, Ксения предупреждала.

— Я сейчас с вами работать не буду! Зачем мне ваши имя-фамилия? Я только с гражданами России работаю.

Нина теряется окончательно.

— А где у вас испанская виза?

На мгновение Нина утрачивает чувство реальности. Неужели тетка в малиновом не слышала, что на свете существуют загранпаспорта? И зачем кому-то в Рогожине ее испанская виза?

— Чтобы такое в последний раз, — строго приказывает чиновница.

— Да-да, конечно, — в ужасе бормочет Нина. — В последний.

— Да ладно тебе, — утешала Ксения приунывшую Нину. — Ты просто ее напугала. Первый раз в жизни тебя видит, понимаешь? А тут еще этот твой паспорт. В Рогожине народ пугливый. Всего боится — проверки, доноса... Каждый новый человек — потенциальная опасность. Привыкнут — по-другому начнут разговаривать. Выпей лучше компотику — смотри, ягодка плавает... Глядишь, еще и полюбят тебя. Им хочется видеть знакомые лица, а не абы кого. Потерпи.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru